

В конце концов, он не столько решает, сколько реагирует. Адская гончая бросается вперед, и Перси, не раздумывая, атакует ее в ответ. Он мог бы отступить... и оставить Клариссу, и без того ослабленную после их схватки, в одиночестве. Он мог бы отступить и затаиться... и оставить любого из хижин Ареса в качестве легкой добычи для монстра.

Возможно, несколько мгновений назад они и были его врагами, но то было тогда, а это - сейчас. Более того, они были его врагами лишь в простой игре «Захват флага». Все было гораздо серьезнее. В конце концов, у Перси просто не хватит духу рисковать другими ради спасения собственного бекона. Возможно, это верх глупости, и наверняка есть лучший способ сделать это... но за ту долю секунды, что у него есть, он не видит другого пути, кроме как вперед.

Издав крик, он встречает адскую гончую в центре ее атаки. Огромное красноглазое чудовище рычит на него, и Перси со всей силы бросается вперед. Даже когда сверхъестественная сила начинает покидать его, меч Перси легко вонзается в плоть адского пса. Благодаря благословию отца-богатыря, придавшему ему силы и тем самым усилившему удар, Перси удается вонзить меч в адского пса до самой рукояти.

К сожалению, у него нет ни времени, ни тренировки, чтобы как следует прицелиться. Удар приходится на плечо адской гончей, и даже когда Перси на всю длину погружает позаимствованный клинок в тело твари, он сразу понимает, что это не убийственный удар. Тем более что адская гончая не падает духом и не умирает.

Зато она издает особенно мучительный вой... а затем разворачивается, ее огромная голова поворачивается, а массивная пасть поочередно открывается и закрывается вокруг плеча Перси. Позаимствованный нагрудный щиток, который он надел для игры «Захват флага», - пожалуй, единственное, что спасает его от укуса, даже когда он сминается под зубами адской гончей и он чувствует, как массивные клыки вонзаются в его плоть.

Перси гримасничает, пытаясь отвести меч назад для очередного взмаха, а свободной рукой надавливает на морду адской гончей, пытаясь сбросить ее с себя. Но как раз в тот момент, когда он начинает делать успехи в обоих этих делах, он чувствует... последние силы, подаренные ему купанием в ручье, исчезают, и он снова чувствует себя слишком смертным.

Наступает мгновение тишины, когда Перси встречается взглядом с красными глазами чудовища, которое сейчас держит его в своих объятиях. Они смотрят друг на друга в течение, кажется, одной застывшей секунды.

«Ну... Черт.»

А потом чудовище трясет его, и трясет сильно. Боль становится ошеломляющей, Перси белеет, его дергает туда-сюда, пока адская гончая просто не отпускает его и не подбрасывает в воздух. Он тяжело приземляется на землю, не имея, к сожалению, счастья упасть в воду. Боль в груди неимоверная, и он думает, что это не просто колотые раны, о которых нужно беспокоиться. Возможно, при броске он сломал несколько ребер.

Но даже с трудом приходя в себя, он слышит грозное рычание и умудряется поднять голову, чтобы увидеть, что адская гончая все еще приближается к нему и только к нему. Настойчивый ублюдок хочет быть уверенным, что получит свою жертву, не так ли? А может, именно так и действовали адские псы. Может, они охотились только за одним, убивали его и тащили обратно в подземный мир в качестве закуски. Перси, честно говоря, не знал.

Но если все было именно так, то он был рад, что это был именно он, а не кто-то другой. Если бы он умер именно так...

«СГИНЬ, ПОГАНЫЙ ИЗВЕРГ!»

Как раз в тот момент, когда Перси смирился с тем, что ему придется смотреть в лицо самой Смерти, поляну заполнил знакомый голос, и в воздухе послышался свист стрел. На мгновение затуманенный болью мозг Перси запинается, недоумевая, как его спасает мистер Бруннер. Затем Перси вспоминает, кто такой мистер Бруннер, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как на поляну вбегает Хирон, знаменитый тренер греческих героев и бессмертный кентавр.

Тем временем его стрелы попадают в адскую гончую в нескольких футах от тела Перси, и красноглазое, черношерстное чудовище уже заваливается на бок, мертвея и растворяясь в небытии.

Когда силы Перси покидают его и он больше не может держать голову, он оказывается лежащим на лесной подстилке и смотрит в голубое небо над головой.

«Перси!»

А... но это же голос Аннабет, не так ли? Она звучит обеспокоенно, хех. О, а вот и ее лицо. Она тоже выглядит обеспокоенной. Перси изо всех сил старается улыбнуться ей... но это трудно, когда она, добравшись до него, первым делом хватается за руку и тащит к ручью. Ой. ОЙ!

Но крики Перси о боли не могут разубедить Дочь Афины, которая, возможно, единственная, кто на собственном опыте убедился, что вода может его исцелить. Он понимает, что она пытается сделать, какова ее цель... но не может оставаться в сознании достаточно долго, чтобы увидеть, удастся ли ей это. Тем не менее... по крайней мере, он победил в «Захвате флага», верно?

-х-Х-х-

Она замерла. Непростительно. Непростительно. Она чертовски замерла.

По правде говоря, вся схватка длилась меньше минуты, как только она началась. Схватка между Перси Джексоном и адской гончей была невероятно быстрой. Как будто моргни - и не

заметишь. Но это не делало его лучше. Кларисса Ла Рю замерла. Она была Дочерью Ареса, черт возьми. Она была создана для войны! Создана для битвы! И все же... и все же, когда настоящая битва показала свое лицо так скоро после ее бесславного поражения, Кларисса не поднялась на ноги. Вместо нее это сделал этот ублюдок Джексон... и тем самым еще больше усугубил ее долг перед ним.

Не поймите ее неправильно. Она была зла, что они проиграли. Действительно злилась. Но больше всего она злилась на себя, особенно когда все знали, что Джексон - сын Посейдона. Оглядываясь назад, можно сказать, что драться с ним в Крике было идиотским и безмозглым поступком. Единственным утешением было то, что почти никто в Хижине Ареса не понял этого, пока не стало слишком поздно.

Даже сейчас некоторые члены Хижины Ареса переживали поражение со свойственным им дурным нравом. Они бормотали, рычали и ворчали о том, что Джексон жульничает. Кое-кто даже не скрывал, что хотел бы, чтобы адская гончая действительно достала его. Но нет, Чейз оказалась достаточно мудрой, чтобы понять, как спасти юношу. Она оттащила его изломанное, истекающее кровью тело прямо в ручей. Для любого другого человека это был бы смертный приговор, но для сына Посейдона... это сработало. Он почти сразу же начал выздоравливать.

Оставив Клариссу и ее братьев и сестер прятаться вдали, переживая свое унижение и смущение. По правде говоря, при обычных обстоятельствах Кларисса могла бы вместе с остальными обитателями Хижины Ареса проклинать имя Перси Джексона. Этот ублюдок знал. Он знал, что делает, когда спровоцировал их прямо перед матчем. Он сосредоточил все их внимание на себе и не просто удержал их на расстоянии... а просто уничтожил их в последовавшей за этим односторонней битве.

Оглядываясь назад, можно сказать, что это был идеальный план. Потрясающая стратегия. Возможно, не совсем его собственная. Возможно, ее придумал Чейз. Практически все признавали, что это была действительно хорошая игра. Но Кларисса не была «почти всеми». И обычно она не умела принимать поражения с изяществом. Нет, она была из тех, кто лелеет обиду. Позволяла гневу разгораться, а ярости - пылать.

Она бы точно обиделась на Джексона, если бы дело было только в том, как он победил их в «Захвате флага». Некоторые в ее Хижине даже сказали бы, что она все еще должна была бы. Но к моменту появления адской гончей не все из них были в сознании. И никто из них не был на ногах, как она. У них были оправдания, почему они не смогли вмешаться в бой. У Клариссы их не было.

Перси не только помог ей подняться на ноги, когда закончился матч по захвату флага, но и перевооружил ее. А Кларисса... Кларисса так и застыла. Этому не было оправдания. Она и сама не могла с этим согласиться. Неважно, что адская гончая не должна была там находиться. Неважно, что ей только что надрали задницу.

Она была на ногах, с оружием в руках. Ни одна уважающая себя Дочь Ареса не должна замерзать в таких обстоятельствах. А уж ей - тем более.

Кларисса стиснула зубы и сжала руку в кулак. Статная блондинка понимала, что сейчас она слишком многим обязана Перси. Вымалить прощение за то, что она так оплошала, было бы недостаточно. Кроме того, он владел ее задницей в течение следующей недели. Возможно, именно с этого она и начнет. Да... это сработает.

В ее голове начал формироваться план. Конечно, в краткосрочной перспективе это приведет к еще большему унижению, особенно если кто-нибудь узнает... но ее личная честь и так в опасности. Дальнейшее унижение может оказаться единственным способом вернуть себе гордость в долгосрочной перспективе. Несмотря ни на что, она должна загладить свою трусость перед Перси Джексон. И поскольку вероятность того, что в ближайшее время ей представится шанс спасти его жизнь, невелика... в общем, в ближайшем будущем у нее есть только один способ сделать это.

-х-Х-х-

Наблюдая за спящим Перси в одной из гостевых спален Большого дома, Гестия размышляет о том, как это произошло. Такого не должно было случиться ни за что, ни за миллион лет. Лагерь полукровок должен был быть безопасным. Ведь она была Богиней Очага, и весь этот лагерь находился под ее эгидой.

Однако, хотя сам лагерь и некоторые из окружающих лесов были защищены Доменами Гестии, не все они были защищены. И действительно, если зайти слишком глубоко в лес, там могли бродить чудовища, привлеченные к границе ее власти таким количеством крови полубогов, сосредоточенной в одном месте. Однако та часть леса, где обитатели лагеря устраивали еженедельные игры в «Захват флага», была вполне в ее границах.

Этого не должно было случиться. Это не должно было произойти. Даже если Перси был жив, даже если он уже исцелился и просто отходил от ран... Гестия все еще ходила кругами, недоумевая, как ее так легко обманули.

К счастью, Аннабет Чейз оказалась достаточно умна, чтобы понять, что нужно Перси. Затащив его обратно в ручей, она направила способности полубога на исцеление его тела. Благодаря божественной крови Посейдона убить его сына было невероятно трудно, пока Перси находился в воде, а раны, полученные им от адской гончей, были исцелены еще до того, как его привели к Гестии.

Она, конечно же, позаботилась о том, чтобы вылечить его до конца пути. Все это время дочь Афины, внимание которой Перси, видимо, так сильно привлек, оставалась рядом с ним. И только теперь, спустя несколько часов, когда солнце уже давно село, Гестия отослала Аннабет. Ей было больно это делать, но девушке требовался отдых, даже если богиня знала, что Аннабет, скорее всего, не будет праздновать победу.

Если честно, настроение в лагере было мрачным. Никто не праздновал, даже победители сегодняшнего поединка. Гестия подозревала, что все они задаются одним и тем же вопросом:

неужели защита лагеря полукровок не справляется? А ее домен - нет?

Но нет. Домен Гестии был так же силен, как и прежде. Это место по-прежнему было ее очагом. На самом деле она знала больше, чем большинство из них. Она узнала, как только адская гончая появилась в ее пределах. Она знала, что он не прорвался в ее владения силой, а был приглашен. Она знала, что кто-то в Лагере полукровок вызвал адскую гончую и натравил ее на Перси Джексона.

С этим знанием пришла... ярость. Взглянув на свою руку, Гестия моргнула, обнаружив, что она сжалась в бессознательный кулак. Кулак дрожит от сдерживаемой ярости. Если бы кто-нибудь из ее братьев и сестер увидел ее в таком состоянии, то, скорее всего, удивился бы... или испугался. Гестия, богиня дома и очага, не была склонна к проявлению эмоций. Она не рычала от злости, не откусывала никому голову.

Чаще всего она выражала свое недовольство тихим разочарованием... и обычно этого было достаточно. Но не в этот раз. На этот раз Гестия очень, очень зла. И она клянется, сидя у постели Перси, что обязательно докопается до сути того, что здесь сегодня произошло. Возможно, Перси не мертв, возможно, он уже полностью исцелился физически... но это не делает совершенное против него преступление менее тяжким.

И все же... все же. Она начнет расследование завтра. Она узнает, кто посмел вызвать монстра к ее очагу, и добьется того, чтобы их изгнали из лагеря полукровок, если это будет последним, что она сделает. Завтра. А сегодня... сегодня она будет бдеть у постели Перси и следить за тем, чтобы юноша не нуждался в дальнейшем лечении.

При этой мысли она прикусила губу, наблюдая за тем, как он спит. Теперь, когда его раны затянулись, он выглядит умиротворенным. К счастью, ей не пришлось видеть его в худшем состоянии, но ей пришлось помочь снять с него пробитую нагрудную пластину, которая нанесла несколько новых ран, когда ее пришлось отдирать от зажившей плоти.

Видеть, как он корчится от боли, даже находясь без сознания... это разрывало ее сердце на две части. Но сейчас он выглядел спокойным. Умиротворенным. Отдохнувшим. Его обнаженная грудь вздымается и опускается, лишь несколько свежих шрамов свидетельствуют о том, что несколько часов назад он был так тяжело ранен. Невольно рука Гестии поднимается и опускается. Она не должна. Это было бы неправильно. Но мысль пришла...

Традиционное лечение закончено. Возможно, теперь стоит прибегнуть к нетрадиционному лечению. По опыту она знает, что ему будет приятно проснуться от такого. Но она все равно не должна этого делать. Она должна сохранять хоть какое-то подобие... приличий, не так ли? В конце концов, на молодого человека только что напали. Было бы неправильно... снова поддаться своим низменным желаниям так скоро, при таких обстоятельствах...